

Лян Жуфэн улыбнулся, подняв бровь. Эти слова ему понравились, они пришлись ему по душе.

— Обладая такой красотой, что может покорить целую страну, и таким пронзительным умом, скажи, не послан ли ты к нам самими небесами?

Он начал подшучивать над Ань Жуном. И Сюнь тоже засмеялся.

Ань Жун подошёл ближе, очистил виноградину и поднёс её ко рту Лян Жуфэна, улыбаясь соблазнительно. Лян Жуфэн на мгновение потерял голову, засунув руку под его одежду и начав ласкать. Ань Жун время от времени издавал тихие стоны. А Ци отвернулся, не в силах смотреть. Его пальцы дрожали, а сердце переполнялось ненавистью — к Ляну и к самому себе.

Даже И Сюнь, привыкший к неге, покраснел.

— Кхм, брат Лян.

Лян Жуфэн громко рассмеялся и убрал руку. Гнев, вызванный разговором о старшем и младшем сыновьях, постепенно утих, и его настроение немного улучшилось.

На реке Хуайму лодки соперничали друг с другом, наполняясь праздничной атмосферой. Песни и барабаны звучали то тут, то там, создавая радостную атмосферу. Лян и И вышли на нос лодки и, стоя на ветру, тихо о чём-то разговаривали.

А Ци смотрел на слегка расстёгнутый воротник Ань Жуна, на кожу, покрасневшую от прикосновений, которая резко контрастировала с бледной кожей вокруг. Глаза А Ци наполнились слезами, а в сердце поднялся комок. Очень тихо, так, что слышно было только им двоим, он прошептал:

— Вечером я помассирую тебе.

Ань Жун поднял глаза, полные невыраженных эмоций, и посмотрел на А Ци. Его взгляд был сложным, непонятным.

— Господин Шэнь...

Услышав голос И Сюня, Ань Жун повернул взгляд и увидел, что те двое смотрят на роскошную лодку впереди. Приглядевшись, он заметил, что на ней стоит Шэнь Пэйлинь.

Лодки всё ближе подходили друг к другу, и вдруг раздался звук шагов. Шэнь Пэйлинь в зелёном шёлковом халате поднялся на их лодку, бегло оглядел внутреннее убранство, сохраняя безразличное выражение лица.

Лян Жуфэн жестом пригласил его войти, и все трое зашли внутрь.

Шэнь Пэйлинь посмотрел на Ань Жуна и спросил с притворным интересом:

— А это кто?

И Сюнь опередил его:

— Это господин Хуалин, близкий друг брата Ляна.

Последние слова прозвучали весьма двусмысленно. В империи Дунчэн отношения между мужчинами не были редкостью, и, видимо, И Сюнь хотел подшутить над Лян Жуфэном.

Шэнь Пэйлинь улыбнулся, но в его улыбке не было тепла.

— Господин Лян, вы действительно счастливчик.

Шэнь Пэйлинь говорил комплименты, но в голове уже прокручивал всю ситуацию. Перед ним стоял Ань Жун, с которым он несколько месяцев назад заключил союз. Оказывается, он был любовником Лян Жифэна. Но как такой красавец мог питать такую ненависть к дому Лян? Стоит ли ему доверять? Или всё это ловушка?

Сомнения и подозрения смешались в его сердце, и Шэнь Пэйлинь почувствовал тревогу.

Четверо сидели и беседовали, Ань Жун говорил мало, лишь слушая остальных. Какими бы ни были их истинные намерения, внешне всё выглядело прилично. Только к полудню Шэнь Пэйлинь попрощался и ушёл.

— Этот человек куда гибче своего отца. Его отец был слишком прямолинеен.

— Брат И, не судите о людях поверхностно.

С этими словами Лян Жифэн налил себе ещё вина, его взгляд стал пронизательным. И Сюнь остался в недоумении, не понимая смысла его слов.

После обеда Лян Жифэн решил, что праздник ему наскучил, и отправился с Ань Жунуном в загородный дом. И Сюнь, конечно же, не стал мешать и уехал домой.

Они провели вместе время с полудня до вечера, и из комнаты доносились стоны. А Ци сидел у двери, горько улыбаясь, а по щеке скатывалась слеза. Оказывается, всего одна дверь отделяла его от ада. Он вспомнил, как Ань Жун лежал на нём, всегда спокойный, иногда даже слишком, и А Ци приходилось брать его в руку, чтобы вызвать у того низкий стон...

— Скрип...

Дверь открылась, и Ань Жун, с растрёпанными волосами и в растрёпанной одежде, вышел наружу. А Ци встал и смотрел на него, слёзы текли из его глаз, словно не собираясь останавливаться. Он вытер их рукавом.

— Пойдём домой.

А Ци сказал «дом», он хотел дать Ань Жуну дом, надеясь, что тот согласится считать его семьёй. Если бы тогда Ань Жун уделил А Ци чуть больше внимания, он бы понял, как сильно тот скрывал в своём сердце тепло, настолько сильное, что, когда его сердце было разбито, он ушёл так решительно.

А Ци крепко сжал руку Ань Жуна под широким рукавом и повёл его обратно, не отпуская до самой кареты. А Ци чувствовал, как горло горит, и множество слов застряло в нём. Он хотел сказать: «Давай уедем отсюда». Но он не мог произнести это. У него не было денег, он не мог обеспечить ему роскошную жизнь.

Ань Жун вытащил свою руку из грубой ладони А Ци.

— Я грязный?

Он засмеялся, и в его глазах читалось самоуничижение.

Это был уже второй раз, когда Ань Жун задавал этот вопрос.

А Ци вдруг схватил руку Ань Жуна и засунул её себе под одежду. Его глаза покраснели, и он чётко произнёс:

— Нет.

А Ци водил рукой по своей груди, желая, чтобы Ань Жун выплеснул свои эмоции... Внутри кареты слышались стоны А Ци и тяжёлое дыхание Ань Жуна.

После страстной близости голос А Ци дрожал.

— Я хочу пойти в Храм Лунного Старца в западной части города.

Ань Жун, в растрёпанной одежде, полулежал в карете, его веки были полуопущены.

— Просить Лунного Старца о судьбе? Ты думаешь, ты достоин?

Его слова были лёгкими, но очень болезненными.

А Ци опустил голову, сжимая край одежды. В его сердце зияла рана, и было очень больно.

— Я мужчина. А Ци, ты знаешь, что я мужчина?

А Ци с недоумением посмотрел на полусонного Ань Жуна и с трудом выдавил:

— Знаю.

— Он считает меня женщиной, и ты тоже считаешь меня женщиной?

А Ци понял, что он имел в виду, и с обидой ответил:

— Я не считаю тебя женщиной, я считаю тебя своим мужчиной.

Сказав это, он почувствовал облегчение, но с горечью добавил:

— Ты всегда это знал...

Ань Жун открыл глаза и пристально посмотрел на А Ци, а затем засмеялся.

— Вот почему ты такой низкий, так хочешь быть женщиной.

А Ци почувствовал, будто его сердце пронзили тысячи стрел. Эта боль, от которой невозможно избавиться, заполнила всё его сердце. Он наконец понял, что, вероятно, у этого человека нет сердца. Иначе как он мог сказать такие жестокие слова? А Ци сжал кулак, едва сдерживаясь, чтобы не ударить его. Но он сдержался, ведь господин Лин тоже был несчастен. Ему просто нужно было терпеть.

Ань Жун полуоткрыл глаза, взглянул на кулак А Ци и холодно спросил:

— Хочешь ударить меня?

А Ци молчал, и лишь спустя время выдавил:

— Когда мы шли, ты сказал, что будешь ждать меня. Это всё ещё в силе?

— Такие слова никогда не стоит воспринимать всерьёз, — Ань Жун смотрел прямо на А Ци. — Ты действительно поверил?

А Ци побледнел, но на словах старался быть сильным:

— Конечно нет... Я просто хотел поиграть... Ты красивее любой женщины.

— Хлоп!

Раздался звонкий звук пощёчины. Ань Жун злобно смотрел на А Ци, его грудь тяжело вздымалась от невысказанного гнева.

В тот день, вернувшись, А Ци не пошёл спать в свою комнату, а один, глубокой ночью, прошёл долгий путь до Храма Лунного Старца в западной части города, где всю ночь ходил вокруг тысячелетнего дерева.

«Лунный Старец, мой мужчина не пришёл, я прошёл его путь за него. Прошу, защити нас и дай нам вечную любовь».

Боясь, что Лунный Старец не услышит его молитвы и не почувствует его искренности, А Ци от дерева до храма шёл, кланяясь на каждом шагу, как истинный верующий. «Тук, тук, тук...» — в тишине ночи эти звуки звучали особенно громко.

Скорее, чем верить в эту легенду, А Ци просто не видел другого выхода. Величайшая печаль жизни.

Только на рассвете А Ци отправился обратно, оставив на дереве вырезанные имена — Ань Жун, Ци Гуан. Эти четыре слова он уже не знает, сколько раз видел и копировал. Единственные четыре слова, которые он умел писать, и те, что ему лично научил этот человек. Он унесёт их с собой в могилу.

— А Ци, где ты был прошлой ночью? Наш господин Лин искал тебя.

Только вернувшись, он увидел Чунь Жуй, которая уже давно ждала его в комнате слуг, её лицо было жёлтым от беспокойства. Из-за его отношений с Ань Жуном эта служанка теперь относилась к нему с большим уважением.

<http://bllate.org/book/16237/1459436>